

Гита Малюбергинева

НАЙТИ МЕЛОМАНА!

РОМАН-ПРЕДСКАЗАНИЕ

Рита Тальвердиева
Найти меломана!

«Автор»

2007

Тальвердиева Р.

Найти меломана! / Р. Тальвердиева — «Автор», 2007

...Страшное откровение дохнуло ему в лицо. Отдельные части мозаики наконец-то сошлись... Пока разум отрешивался от невероятности «совпадений», он откинул крышку рояля. Руки, коснувшись клавиш, сами прочли всю историю целиком. Вот он – узкий коридор, распахнутая дверь, окно в бирюзовый мир счастья... Мятежные аккорды вдруг разбили тактику метра, буревестником прокричали кварталы, ажурная прежде мелодия трещала в лоскуты... Тема счастья захлебывалась. Все зашло в аритмии страха: треск, звон, ужас... На месте окна – лютый оскал кривого зеркала. Отморозки, ублюдки, шестерки... Исполнители. Старика убивали долго. Уже сцапаны все накопления, уже растоптана уникальная библиотека... Все напрасно. Они тушили сигареты о его зажмуренные в ужас веки: где диск?.. где?! где-е-е?.. Убийственные эффекты крайних регистров он оборвал на полувопле. И – выбежал прочь. В этот момент он ненавидел рояль, его чуть не вывернуло от глумящихся звуков. Он бежал прочь от податливых клавиш, от своего яснослышания, от самого себя.

© Тальвердиева Р., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог 1	6
Пролог 2	7
Часть I. Судьба – не авоська	8
Глава I. Возвращение	8
Глава II. Леся	10
Глава III. Саша	18
Глава IV	22
Глава V. Иван Ильич	24
Глава VI. Затмение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Рита Тальвердиева

Найти меломана!

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Бойтесь своих желаний, ибо они имеют свойство сбываться.
Лао-Цзы

Пролог 1

Сочи, около двух часов ночи, 2 марта 2007 г.

Ночь впервые ответила на его приветствие звездопадом. И он, замороженный, растерялся – не успел загадать желание...

Но, переступив через порожек балкона, не сдержал торжествующую ухмылку: на уютной гостиничной тумбочке, дрожа и переливаясь десятками бликов, мерцала его *Хрустальная Орхидея* – один из главных призов знаменитого сочинского фестиваля. Вчерашний дождь исполненных желаний даже превысил порог ожиданий.

Пусть Вселенная хоть обрыдается звездопадом – свое он намерен брать на грешной земле.

Первый удачный ход он сделал еще в прошлом году – обрел *свою* песню. Именно с его легкой руки, пардон, с медового голоса, только что рожденный на Кавминводах шлягер стали называть по ключевой фразе заключительного куплета – “Созвездие любви...”. Под этим же названием вписали и в наградной лист фестиваля.

Другая *звездочка*, которую он давно приметил на феерическом небосклоне шоу-бизнеса, упала в его руки сегодня. Всего лишь несколько часов назад! Он еще раз впитал взглядом *Хрустальную Орхидею*: этот приз расчистил ему дорогу в Сан-Ремо. В Сан-Ремо, черт побери!

Там, у самого синего моря, его *теперь* ждали. И первый поцелуй славы, и первые объятия итальянского солнца, и первый в жизни знаменитый отель, порог которого переступали наследные принцы Европы... С ума сойти! Но так, именно так оговаривались условия его будущего контракта: сорви любую номинацию и «Тур со Звездой» – твой.

Сон не шел... Он прилег, не раздеваясь и не погасив света. Волшебные блики приза ласкали его мысли и играли в ресницах. Он вновь услышал рукоплескания... Его, уже признанного победителя, вызывали на бис, скандируя имя и засыпая цветами.

Когда магические звуки вступления вновь околдовали публику, случилось еще одно чудо: сама Алова, почетный гость фестиваля легко вбежала к нему на сцену и... подхватила песню на полупhrазе. Экспромт оказался слаженней, чем ее известный дуэт с Валерием Онтьевым!..

Все испортили столичные папарацци. Точнее, один из телевизионщиков. Его вопрос грянул как выстрел:

– Что натолкнуло вас на создание “Созвездия...”? Вы не похожи на человека, познавшего отчаяние...

От неожиданности он не отверг причастность к авторству, замялся... Журналиста принял это за смущение провинциала и начал пороть отсебятину. А его уже уволокли в сторону другие профи пера и камеры. И вновь их вопросы закрутились вокруг “Созвездия...”.

– Как нам стало известно, – прокричал в камеру корр. каких-то вестей-новостей, – звезда российской эстрады Алова – только что! – договорилась с автором коронованного сегодня шлягера – о включении “Созвездия...” в свой репертуар!..

Что ж, Бог свидетель, – это произнес не я.

Засыпая, он думал об этом человеке. Человеке, которого *приговорили* папарацци: *настоящем* авторе и *уже* бывшем друге. Нет человека – нет проблемы, – вдруг царапнуло забронзовевшее. И тут он пожалел, что не успел загадать это желание падающей звезде.

Пролог 2

Подмосковье, дача на Рублевке, 2 марта 2007 г.

Решишь свои проблемы в Семигорске – быть тебе в первой тройке. – Он вколачивал слова будто гвозди в сознание собеседника.

Легкий спортивный костюм не умалял элегантной стати говорившего. Его визави, упакованный в серую твидовую тройку и подвязанный броским до неприличия галстуком, имел вид проворовавшегося клерка.

– Парень блефует, – скривился гость.

– Так диск у него?

– Вряд ли, – пожал он плечами.

– Ты свою курортную расслабуху с девками в номерах устраивай. Да?! Нет?!

– Н-нет, – покачал головой гость и полез за платком, чтобы промокнуть лоб. Его пальцы била мелкая дрожь.

– Хватит меня грузить. Пару недель дам – не больше. По старой дружбе, – глумливо усмехнулся хозяин дачи. – Иначе, – взгляд полоснул скальпелем, – меня не поймут... А портфельчик-то свой заberi, – разлил он вдруг голосом мед и патоку. И от этого елея гость испугался по настоящему. А хозяин меж тем подтолкнул ногой в его сторону чемоданчик из мягкой коричневой кожи.

– Н-но... Я же скоро приеду...

Приедешь – поговорим! – жестко бросил хозяин и поднялся.

Тут же ожили два истукана у входа и распахнули двустворчатые стеклянные двери. Хозяин дачи впервые не принял от него подношение. Самое страшное – гость понимал хозяина. Сам в подобной ситуации поступил бы также.

Волна ненависти к тому выскочке из Семигорска – затопила (вот гад, достал его даже в Москве!) и... придала силы. Ни-че-го... Он заполучит тот самый диск и, наконец-то, уничтожит его. Чтобы никакая земная тварь не грозила ему делами давно минувших лет, когда эйфория только что избранного мэра в геометрической прогрессии множилась на беспечность. Он поднял чемоданчик и уже бодро прошагал к выходу.

Часть I. Судьба – не авоська

А что судьба назначила, неси: то – Зевса воля.
Еврипид

Глава I. Возвращение

Семигорск, 3 марта 2007 г., около 7 утра

От электрички до дома короткой дорогой – десять минут. Пешком. Милая сердцу улочка, привычно морщась разбитым асфальтом, кубарем скатывалась вниз к бювету, затем, церемонно раскланивалась (безупречно выложенной розовой плиткой и двумя цветочными тумбами) с гастрономом вековой застройки, и, уже степенно, как курортник на вечернем променаде, выходила на знаменитую Бульварную, сохранившую исторический шик времен Пушкина, Лермонтова и Толстого. Еще один поворот направо – до угловой аптеки – и...

Он потерянно заозирался, словно путник, околдованный вмиг выросшим дремучим лесом.

– Не может быть... – растерянно пробормотал молодой человек в ветровке и джинсах, заправленных в высокие армейские ботинки. Синяя дорожная сумка выскользнула из рук.

Заблудился? – трусливо юркнула спасительная мысль. Но слева, через дорогу, там, где и должно, жались друг к другу, дрожа в предраассветной дымке, знакомые до боли аккуратные мазанки друзей его детства.

Здесь же, на месте родного домика с зеленой крышей, на него скалился дерзким рекламным слоганом незнакомый монстр в три этажа со слепыми зеркальями окон. Поглотивший заодно и их роскошный сад, и даже скособоченную хижину ближайших соседей – Павла и Ольги.

На ватных ногах подошел он ближе. Зловещий призрак не исчезал... Зато на фасаде проявилась бронзовая табличка: *Элитный пансионат “7 звезд”*.

А где же бабуля? Почему не писала?..

Тревожные мысли подстегнули и он, подобрав с тротуара сумку, стал рыться в поисках пакетика с письмами от единственного на свете родного человека, кого он ласково, с самого раннего детства называл – бабуля. Вот и то самое письмо – последнее!

Он еще раз пробежался взглядом по знакомым корявым строчкам, покрутил в руках конверт. Ни слова, ни жалобы, ни намек на происходящие перемены. Лишь море любви, разлитое на разлинованном тетрадном листочке, и едва заметные островки надежды в каждом отточии и вопросительном знаке. Ими дышали и все предыдущие письма внуку за долгие два года его армейской службы на другом конце все еще великой России. Но дата, четко проставленная (всего месяц назад!) дата на почтовом штампе в углу конверта, кричала: *быть не может такого! Не-воз-мож-но!* За несколько недель невозможно даже стены под крышу возвести...

Мимо него в сторону старого парка пробежал пожилой мужичок в смешной оранжевой шапочке гребешком и синем спортивном костюме – типичный семигорский курортник. Своим забавно-сосредоточенным видом он стянул с ситуации жуткий флёр инферальности.

Молодой человек подхватил сумку, решительно подошел к ажурным воротам особняка и хотел было резко, до упора, утопить пальцем кнопку звонка, но... передумал, и руку отдернул.

Повернувшись, он перебежал дорогу и стремительно направился к самому первому от пешеходной зебры домику. Со стороны кухни там уже горел свет.

Вот и славненько, – нервно улыбнулся он. – Спозаранку вставать по выходным там не разучились.

Глава II. Леся

Семигорск, 3 марта 2007 г., предрассветье

С конца прошлого года Леся оставила за собой две заботы: есть-спать и готовить программу к поступлению в Ростовскую консерваторию. Все остальное (досуг, подружки, работа в детском садике: два притопа-три прихлопа) она решительно сместила на периферию сознания. А от бытовых забот ее с оптимизмом освободили родители.

Ребенок занимается по шесть часов в день, – с тайной гордостью вздыхала перед соседями мама.

Соседки же не уставали судачить (девке замуж пора, а ее маманя как наседка: ребенок, ребенок...), а подруги – крутить у виска (тебе мало диплома музучилища, дурында! никакой личной жизни...). Но скучная альтернатива, которую всерьез обсуждали подруги: лечь костями, но вырваться и «замуж сходить», либо до упора ждать принца на белом мерсе – не вдохновляла.

Личную жизнь она собралась строить с иного конца – с себя. Как фугу Баха – бестрепетно, выверено и основательно. А пьески-этюды-фантазии – отложить на десерт – тогда он окажется и слаще, и желаннее. В крайнем случае, десерт всегда можно заменить. На другой.

Наконец-то, мамино желание совпало с ее собственным: без высшего образования не стоит мечтать о трамплине. Даже девушке. Тем более, когда ей уже 24 и долгожданный шанс *выскочить* замуж она упустила около года назад. Теперь подобные планы она не строила, лишь в глубине души баюкая уверенность, что способна к экспромту, импровизации и в нужный момент не упустит импульс, который откроет для нее сокровенное: это – ОН. А пока...

Леся вздохнула и поставила на пюпитр ноты. Действительно, над оттачиванием ювелирной техники и извлечением живого, трепетного звука она готова была работать и по 7 часов в день, и даже – по 8. Такая возможность ей представлялась по выходным. Как и в будни, она поднималась в пять утра и, приведя себя в порядок, садилась за инструмент – великолепный, шоколадный “Блютнер”. Единственная привилегия, пожалованная себе самой – никаких в эти дни гамм и арпеджио. Еще со школьных времен она откатала их – километры, порой ухитряясь одновременно даже... читать. А что? До мамы доносятся зубодробительные звуки (ребенок старается!), а “ребенок” положил спокойненько на пюпитр запретного для ее возраста Моцарта и, не глядя на клавиатуру, шпарит всюю упражнения из Ганона, успевая еще и перелистывать страницы романа.

Сегодня она встречает субботний рассвет с обожаемым Мендельсоном. Его “Первый Концерт для фортепиано с оркестром” словно списан с ее эмоционального портрета – сплошь драйв и экшн с вкрапленной логикой кантилены.

Леся сразу раскрыла вторую страницу и начала отрабатывать трудный пассаж правой, механически варьируя артикуляцию. Без голой “механики” не обходятся даже виртуозы от бога, – не уставала повторять ее пед по специальности. А пока голова отдыхает, можно и помечтать.

Забитый на шоль марш-бросок (заветное поступление на заочное) предварит ее последующую атаку на место аниматора в одной из лучших здравниц Кавминвод. Здесь, на известных курортах страны, зачастую перспективен не профиль работы, а... место. Тот самый трамплин, откуда можно легко выпорхнуть из обыденности. То заветное зазеркалье, где возможно невероятное, когда не ты едешь в столицу, а столица... едет к тебе. И именитая на весь мир профессура, и космонавты, и члены правительства, и политики... А за этой когортой небожителей длинным блестящим шлейфом тянутся бизнесмены, банкиры, звезды кино,

эстрады и большого спорта. И за всем этим хороводом, понятное дело, с любопытством приглядывается Случай. А уж студентке консерватории с богатым классическим и современным репертуаром, к тому же – обаятельной и легкой на подъем, оказаться в непосредственной близости этого феерического шествия шансов – будет гораздо проще.

Упрямо прикусив губу, Леся перешла к следующей разработке пассажа: крепкими пальцами с коротким и быстрым замахом.

Именно благодаря заветному месту, не одна сотня ее земляков смогла сменить в экспresse судьбы свое куцее плацкартное место на купе СВ. Да что там СВ! История края целебных источников богата такими былинами – голливудские мелодрамы отдыхают. А парочка реальных love story везунчиков из Ставрополя с капризной фортуной (закрученных на местных благословленных курортах) – известна всему миру: и Андропов, и Горбачев сумели занять генеральное кресло в локомотиве Истории.

Бросив ковырять пассажи, Леся с вождением схватила два первых аккорда вступления и помчалась зажигательными октавами к труднодоступным прежде пассажам на 2-й странице. Взяв их с разбега, легко и трепетно, как драгоценную эстафету будущего успеха, она на одном дыхании довела соло своего вступления до той точки, где эстафетную палочку должен подхватить оркестр.

Вот так! – с чувством оттолкнувшись от последнего аккорда, сбросила она уже расслабленные руки на колени. – Только так, – мысленно заплотировала себе Леся и, крутанувшись на винтовом стуле, отправилась на кухню, где ее ждал накрытый к завтраку стол.

Пока она с аппетитом уминала сваренные вкрутую яйца, закусывая толстыми ломтями домашнего сыра, перед ее мысленным взором предстала, давно открыванная надеждой, тройка лучших здравниц региона: «Родник», «Ласточка» и «Машук».

Обглодав поочередно возможности каждой из них, она задумалась: за последний год эта чудная “грибная поляна” разродилась и редкими в этих местах крутобокими “боровиками”. Своими яркими красными шляпками они зримо метили на кавминводской земле заделы крупного российского капитала и зарубежных инвесторов.

Выпив чашку свежесваренного сладкого чая Леся, с вождением продегустировала и новые шансы для будущего старта: санаторий “Плаза”, “Долина нарзана”, “7 Звезд”... Кстати, “7 Звезд” – пансионат, но по звездности и уровню услуг не уступает иным санаториям.

– Иные не держим, – как-то на очередном фуршете отшутился хозяин “7 Звезд” – Нестор Сухов, а всеведущие журналисты перенесли эту реплику под неприглядный, снятый, бог знает с какого косого ракурса, его фотопортрет. Получилось смешно и жалко. Что ж, Сухов знал, на что замахнулся: в мэры идти – не пансионаты строить. Даже – элитные.

Леся аккуратно промокнула салфеткой каждый пальчик и поднялась со стола. Ее ожидала следующая пара страниц “Концерта...” – там никак не удавались пассажи для левой руки. Не помогали ни упражнения на стаккато, ни другие известные способы. Что ж, она испробует сегодня редкий и довольно нестандартный прием – по Фейнбергу, вычитанный в одной из его переизданных брошюр.

Леся перелистнула ноты на нужную страницу и стала правой рукой подбирать конфигурацию, симметричную “непроходимому” пассажи для левой руки.

Откинув со лба непослушную прядь, она попыталась сыграть трудное место одновременно двумя руками – “зеркальным способом” – в очень медленном темпе. А теперь – повторить раз двадцать...

Этот нестандартный способ достичь желаемого – когда “трудная” левая рука благодарно схватывает импульсы более разработанной правой, неожиданно пробудил в памяти то, о чем она изо всех сил старалась забыть.

В глубине души Леся понимала, что лукавит. Прежде всего перед собой. Вся эта идея состояться вытекла из жгучей обиды отверженной. И – кем? Пацанчиком, младше ее на

целых три года. Белобрысый, кареглазый соседский пацан, выше среднего роста (но чуть ниже ее, когда она на каблучках) обаял ее то ли ищодливым выражением лица, то ли мальчишеской улыбкой, то ли непомерным честолюбием и целеустремленностью. Ленивый и фанатичный, расчетливый и обескураживающий, наглый, порой беспомощный и у-мо-по-мра-чи-тель-ный. Он обаял ее всю без остатка.

Леся резко встряхнула руки и вновь вгрызлась в трудное упражнение, пытаясь громким, нарочито акцентированным звуком вычеркнуть и заглушить то, что еще отзывалось в сердце болью.

* * *

Все началось с обиды, с детской ревности. Только тогда, четыре года назад, все было наоборот. Это он, Димон, 17-летний тогда пацаненок беспочвенно “ревновал” Лесю к их общему другу и соседу Сашке. Дескать, Сашку она познакомила с профессором консерватории.

Но, во-первых, – вновь возмутилась Леся, – никого она ни с кем не знакомила. Ксения Львовна, маленькая, сухонькая старушка, снявшая у них флигелек до конца лета, представилась профессором класса фо-но лишь после того, как увидела в доме инструмент (мама всегда приглашала ее к ужину). Именно ее уроки помогли Лесе полностью разжать локти и расслабить кисти – беглость пальцев удвоилась. Но, когда профессорша услышала игру Меломана (так шутя называл Сашку мой отец – то ли за страсть к сочинительству, то ли за музыкальную фамилию – Вальс. Александр Вальс) – то чуть не упала, скатываясь со ступенек своего флигелька.

– Кто, кто там у вас играет? – неожиданным фальцетом прорезалось любопытство.

Так они и познакомились. И до отъезда профессорша ежедневно занималась с Сашкой. Бесплатно. Отшучиваясь, что это она должна платить за возможность общаться с будущим Скрябиным.

Вот так, по-глупому, дулся на Лесю Димка, невзирая на то, что сам он – не пианист. Его действенный инструмент – голос, основной импульс – желание петь. Со сцены. Но одного желания – мало. На правах старшей Леся поставила ему задачу:

– Обойди все санатории и оставь в регистратуре свой телефон. Как только кто-то из маститых преподавателей там нарисует, – тебе, если очень попросишь, – сообщат. А там – видно будет. На отдыхе все более доступны, чем на кафедрах и в кабинетах. На этом и строился ее расчет.

– Хочешь успеха – иди в фарватере победителей, – не уставала вещать она с умным видом...

А Димка слушал, раскрыв рот как мальчишка. И уже первые свои “гонорары” со сборных концертов по кафешкам, он копил на регулярные знаки внимания двадцати двум(!) регистраторшам во всех значимых санаториях Кавминвод, заодно оттачивая на них и свою неотразимую улыбку.

Но регистраторши, как правило, ушлые тетеньки, на его детское обаяние не покупались и лишь дарили ответные улыбки внимательному юноше.

Не забывал Дима эксплуатировать и свою первую училку по вокалу – Бэллу. Как показало время, именно ее постановка голоса сослужила ему добрую службу. Именно Бэлла договорилась и с местной студией. И он записал на готовые минусовки диск с двенадцатью, популярными у молодежи, песнями. Эти диски он тоже раздавал везде, где можно. В том числе – и в санаториях. И все же, ее метод дал долгожданные плоды. Правда, с другого дерева...

Пассаж левой руки еще не получался. Отдохнуть она решила на кантеленной части произведения. Теперь Леся играла без остановок, прикрыв глаза и наслаждаясь звуком.

...Тот ранний звонок 16 июня 2003 года из санатория “Эдем” – прозвучал первым победным гонгом. Леночка – знакомая регистраторша из “Эдема” ежедневно крутила у себя в фойе Димкин диск, на который и “клюнула” некая столичная дама (нет, не профессор и даже не аспирант по искусству вокала), – шеф известного турагенства “Валькирия”. На randevу с возможным шансом они помчались с Димоном вместе – чем черт не шутит?

Черт пошутил. В своем, естественно, духе.

Сказать, что москвичка была красива, значит – ничего не сказать. Она была дьявольски красива. Ее апломб завораживал, а ироничность не отталкивала.

Москвичка надменно бросила, что известные песни не испорчены его исполнением, что в голосе Димона есть некий шарм. Леся уже было решила, что дама куражится со скуки, как вдруг та молвила:

– У нас появился новый вид услуг – “Тур со звездой”. Оплата артисту или певцу – сдельная. В зависимости от его “звездности”. Плюс – возможность увидеть мир...

Слюнки потекли и у Леси:

– А аккомпаниатор у вас предусмотрен? – с наивной прямолинейностью встряла она, околдованная неясной надеждой.

– Если “звезда” того потребует, – невозмутимо ответила дама, – можем и взять на полставки... Костюмером, к примеру.

Димка поплыл от счастья:

– Что я должен делать? – севшим от неожиданной удачи голосом пробормотал он.

Дама подняла ниточки бровей:

– Для начала – стать “звездой”! И тогда, – на прощание усмехнулась она, – милости просим – в “Валькирию”.

Сказать, что Димка побледнел, окаменел и был потерян, – значит – ничего не сказать. Димка – был раздавлен. И все же вслед ей он сдавленно крикнул:

– А как стать “звездой”?!

Тут наша дама расхохоталась – аж голову запрокинула. Ей-богу, чертовка отчаянно веселилась. Но смилостивилась и на этот раз:

– Зайдите на сайт – “Российские и международные конкурсы вокалистов”, получите информацию из серии: что, где, когда, – с чарующей издевкой продолжила она. – Нам достаточно любой номинации с этих известных фестивалей и контракт со “звездой” – будет подписан. – Тут эта ведьма так обаятельно улыбнулась, что Леся едва не задохнулась от негодования.

Дама все же вернулась. С полпути. И уже с серьезным видом протянула Димке визитку:

– Дерзайте, молодой человек. А вдруг?..

...Тем же вечером они втроем собрались у Саши и строили стратегические планы в отношении Димки – как-никак ему подмигнул шанс.

На круглом обеденном столе стояло блюдо с горячими бабушкиными ватрушками, в сторону были сдвинуты уже полупустые чашки с чаем, старинные розетки с вишневым вареньем – все остальное место занимали разбросанные листы с условиями разнообразных конкурсов и фестивалей. Голова шла кругом...

– Кажется, есть идея! – вдруг загадочно бросил Саша.

Он подошел к пианино, положил на пюпитр какой-то листок и стал наигрывать изумительную мелодию. Димку уже сдуло к инструменту. Он схватил с пюпитра лист и, вчитываясь в текст, стал неуверенно подпевать.

– Что ж ты молчал, еклмн! – рассыпался Димка фейерверком эмоций.

– Тише! – Сашка с улыбкой обернулся на заглянувшую в комнату бабушку, которая тут же тихонечко вышла.

– Это же песня! Обалденная песня. Ну ты и конспиратор.

Это слишком личное... И вправду нравится?

Сашка, есть Сашка! – рассмеялась Леся. – Написал такую потрясную вещь, а спрашиваешь точно как в детстве. Помнишь, как в первом классе ты сыграл своего «Топающего ежика»?

А потом будто сам по себе нарисовался план.

...В ту самую ночь Димон сделал Лесе признание. Вот уж вечер сюрпризов! – ошалела она. Но на прощание Димка бросил такой выразительный взгляд, что поначалу Леся растерялась, затем сработало воображение, и уже спустя месяц она... влюбилась. Естественно, по-русски: беззаветно и безоговорочно растворив свое «Я» в безбрежном океане «Он». Хотя это состояние лучше звучит по-английски: *fall in love*. Короче, Леся «упала в любовь», не догадываясь, что выбираться оттуда придется мучительно долго.

Ее жизнь, каждый день и почти каждый вечер – были посвящены только ему. Его многочисленным предконкурсным прослушиваниям в разных городах страны, его стилю, его аранжировкам и, наконец, его концертам. Уже – по югу России.

* * *

Это случилось за неделю до ее двадцатитрехлетия. На крышке пианино у Димки лежал график концертов. Леся одобритительно кивнула – *ее школа*. Первое время он звал ее разруливать с завклубами довольно частые накладки – все ему было лень сесть и составить четкий график.

– Что я совсем debil – не запомню? – возникал поначалу Димон. А потом все же благополучно забывал...

Вдруг ее брови поползли вверх: графа на 18 октября была исписана концертными заявками в Железноводске и Ессентуках.

– Ты что, забыл?! – ледяной голос заморозил бы и слона, но только не Димку.

Приобняв ее, он нарочито уткнулся носом в график, паяц!

– Бли-и-н... Накладочка.

– Хорошо, я вовремя заметила, – тут же смягчилась она и протянула ему сотовый. – Отменяй! День рождения, зайка, только раз в году...

Он замялся, рухнул на винтовой стульчик у пианино, крутанулся к клавиатуре и стал наигрывать, импровизируя, знаменитое Бетховенское: *судьба стучится в дверь*.

Рука с телефоном повисла.

Он вновь развернулся и виновато пожал плечами:

– Не выйдет...

Ты хочешь сказать, что перенести должна я?! Что скажу маме? И гостей назвали на восемнадцатое!

Зачем переносить? Я зайду... Наутро. Или лучше в пятницу. У меня выходной. Видишь? – он ткнул пальцем в график. – я полностью сво-бо-ден, – уже без улыбки уставился он.

– А я – нет! – отрезала она и бросилась к выходу.

– Его *свободная* пятница выпадала аж на 24-е.

Он двинулся следом, скорее по привычке, чем по прихоти и развернул ее к себе.

– Пойми, для меня это – *школа*! Еще и верная тысяча в кармане, между прочим...

Она молчала, пытаясь зачерпнуть в его янтарных глазах хоть каплю былой нежности.

– Это всего лишь очередная халтура...

– Это – сце-на! Возможность собирать публику и петь! – Он больно сжал ее пальцы. –

И я не упущу ее из-за твоего каприза.

– Каприза?! – ахнула она.

– Именно, – скривил он губы.

- Но я же знаю, что сцена, наша провинциальная сцена – всего лишь средство...
- Сцена – для меня жизнь!
- А я?! – захлебнулась Леся.
- Помеха!

* * *

Леся очнулась сидящей у инструмента, на пюпитре – те же ноты на прежней шестой странице. Ее пальцы машинально подтянули полу халата и она вытерла слезы. Было стыдно. Стыдно за то, что память не отреклась от бывшего и так же свежа, как и четыре года назад.

Шмыгнув носом, она взглянула на трудный пассаж и на автопилоте уже бегло проиграла его левой. Поразительно! Она все же освоила новый прием Фейнберга, когда одна рука помогает справиться другой. Жаль, что “руки” Димона оказались *чужими*.

Ее вдруг потянуло к окну. К их калитке шел какой-то высокий, коротко стриженный парень. Она выбежала на кухню, окна которой выходили на крыльцо и ахнула.

– Сашка!

Мать, выглянув из-за ее плеча, скорбно запричитала:

– Ой, господи, что сейчас будет-то...

* * *

– Бабы Таси нет... – понурился, прошелестела Леся.

Он побледнел, хотя беду почувствовал чуть раньше, когда не нашел на прежнем месте родного дома.

– Когда? – Из-за колючего кома, вставшего вдруг костью в горле, вопрос вышел хрипом

– едва слышно. Он повторил.

Леся пожала плечами.

– Недели уж две или чуть больше. На рынке дядя Пашу встретили – он и сказал. Они с тетей Олей и похоронили.

Он молчал. Глаза, всегда лучистые и пронзительно синие, вобрав в себя боль утраты, потемнели. В уже потяжелевшем взгляде зримо плескались невысказанные вопросы.

Леся накрыла рукой его сцепленные в замок пальцы и стала рассказывать.

– Баб Тася хотела сделать тебе сюрприз... – Леся запнулась. – Обрадовать, то есть.

– Обрадовала... – хрипло выдохнул он.

– Она и вправду радовалась, – восторгалась ожившими воспоминаниями Леся. – Люди Сухова все ходили здесь, уговаривали, кущи райские сулили...

– Насулили, – Саша, не переставая, “играл” сцепленными пальцами.

Леся смешалась. Но поняла, что лучше сказать все сейчас.

– Посулили две квартиры для вас – на одной площадке. Баб Тася уже прикидывала, как будет внуков нянчить и при этом молодым не мешать. Прихвостни Сухова даже возили ее на Кольцова – к той самой многоэтажке – там сейчас дядя Паша с семьей живет. Им вот дали – не обманули...

– Старую женщину грех было не кинуть – с горечью процедил он. – Знали, что заступится некому, – в бессильной ярости бедняга заскрежетал зубами.

Леся стала пунцовой и одернула руку. А Саша упрямо уставился вниз, словно пытаясь взглядом выжечь пол.

Рассказывать оказалось гораздо тяжелее, чем она предполагала.

– Когда мы узнали – было поздно, – пролепетала она. – Бабушку хватил удар – даже адреса твоего не узнать.

– Захотели б – узнали. – Он расцепил, наконец, руки и резко встал, прошелся до окна и застыл, наблюдая, как просыпается то самое чудовище, поглотившее вмиг его счастье, дом и бабулю. Леся подошла к другому окну. В распахнутые ворота под аккомпанемент суетливой охраны въезжала бежевая Ауди.

– Это машина Сухова. Он нынче в мэры идет...

Гулким выстрелом хлопнула дверь. Овернувшись, Леся увидела, что комната пуста. А с крыльца уже сбежал Саша.

– Сашка! Вернись...

Но Саша ничего не слышал. В ушах часто-часто стучал молот и сердце билось в грудной клетке как ополоумевшее.

* * *

В отделении милиции, куда уже в следующие 30 минут определили новоиспеченного дембеля, ему живенько обрисовали ближайшую перспективу: нанесение телесных повреждений и проникновение на частную территорию – могло потянуть от года до трех. Но – не потянуло. К счастью, там работал бывший Лесин одноклассник – опер Василий Кравец. Леська успела рассказать всю предысторию. Кравец вник. Благодаря ему дело не завели. Пострадавший – водитель Сухова – заявление писать не стал.

– Ничего страшного, бывает, – потирая челюсть, пробормотал он, выходя из кабинета следователя.

– Бога благодарите, – не принял Лесиной благодарности Кравец. – Повезло вашему Рембо, что ни Сухова, ни его волкодавов на территории не оказалось.

– Волкодавов? – вытаращила глаза Леся.

– Телохранителей, то есть. Иначе на Сашке вашем живого места не оставили бы. И – остались бы при своих. Работа у них такая... А охрана, что торчит там круглые сутки – это так – мальчишки при галстуках: антураж для отдыхающих, – махнул рукой Кравец.

– Ничего себе мальчишки! – не выдержала Леся – Я все видела! – Как они вчетвером на Сашку...

– А ты что хотела? – Взревел вдруг Кравец и, словно опомнившись, резко выдохнул:

– Ладно, не заводи меня. Забирай своего Рембо и дуйте отсюда пока не передумал...

Уж на кого-кого, но на Рембо Сашка в тот момент тянул с явной натяжкой. Ничего героического свежие ссадины и синяки не внушают: рассеченная бровь багровой вспученной лавой полностью затопила левый глаз, а лицо с подсыхающей корочкой крови, будто вывалили в грязи. Впрочем, почему – будто? Она видела, как четверо из охраны пансионата метелили Сашку минут пять, пока не подъехал милицейский УАЗик...

Возвращаться в дом к Лесе Саша отказался категорически. Отмываться и приводить себя в божеский вид ему пришлось в ближайшем общественном туалете. По счастью, это заведение выкупили частники, и ему за отдельную плату предоставили на выбор не только щетки, шампуни и полотенца, но и телесного цвета пластыри. И даже – ручной фен. Когда, спустя время, он вышел к Лесе, то выглядел вполне сносно.

Предугадывая его желание, Леся протянула мобилу:

– Я набрала их домашний... Если хочешь...

– Хочу, – понял он ее с полуслова и втопил нужную кнопку. – Только бы были дома, – с волнением стал считать он протяжные гудки.

– Оля? Это я – Саша... – его голос рассыпался осколками полутонов.

– Сашенька!.. Вернулся?.. – За сдержанным всхлипом последовал бессмысленный вопрос. – Ты где остановился?

– Еще не знаю... Пока, – голос дрогнул, – звоню из Семигорска.

– Иди к нам. Прямо сейчас. Адрес новый запиши...

– Я знаю, мне Леся сказала... Сейчас буду.

Через минуту Саша поймал такси. Усадив Леся на заднее сидение, он сел рядом с шофером.

– Лесь, будь другом, – развернулся к ней Саша, – как подъедем к тебе – вынеси мою сумку, она совсем не тяжелая... А я – прямиком на Кольцова, ага?

Леся сосредоточено кивнула. Слишком сосредоточено. Взгляд Саши чиркнул вопросом.

– У меня есть план, – невпопад рубанула она и, заметив его недоумение, замялась, – ты не думай, я... мы... Короче! Приезжай к нам, поговорим, – она умоляюще заглянула в его глаза.

Он с улыбкой потрепал ее по руке.

– Я серьезно... – С обидой протянула она. И, дернувшись к нему, вдруг быстро зашептала прямо в ухо:

– У Сухова сегодня в 17:00 открытая встреча с избирателями – во Дворце культуры. Нам в почтовый ящик кинули приглашение. Там наказы будут собирать...

– Что? – не сразу врубился он.

– Ну, пожелания от жителей. Там и пресса будет. Ты, главное, пойми – упускать шанс нельзя. Может, все еще образуется? – с надеждой поймала его взгляд Леся.

– Ничего уже не образуется, – жестко оборвал ее он. И, смягчившись, добавил, – что толку от прессы – она же купленная...

– Ты ж ничего не знаешь, – всплеснула руками Леся и задела его по носу. – Ой, извини! Но ты же не сечешь. Помимо его газетки, говорят, будут телевизионщики из “Блица”!

– Кривошеевские прихвостни? А он тут с какого припека?! Пятилетку свою он у нас давно уже оттрубил...

– Кривошеев поддерживает Синкина, который из варягов...

– Ничего не понял, – помотал стриженной головой он.

– Саша! – Уже решительно оборвала его Леся. – В полпятого я жду тебя у Дворца Культуры. – И строго, как когда то в детстве – на правах старшей – отрезала:

– В любом случае, это так оставлять нельзя!

– Не-е-ль-зя-я... – угрожающим эхом процедил он.

И смотри, не опаздывай, – шутя пригрозила Леся, когда таксист лихо свернул с дороги прямо к ее калитке.

Глава III. Саша

В начале пятого он подошел к Дворцу культуры, но не с центрального входа, где его собиралась встретить Леся, а со служебного, который выходил в уютный, проходной дворик. Имелся тут и запасной выход с пожарной лестницей, примыкающей к левому цоколю. ДК он знал как свои пять пальцев, особенно – “закулисье”. Еще со времен учебы в музыкалке. Тогда его коронные фортепианные номера – пьесы Гайдна, Шопена и Моцарта, а позже – Рахманинова и Скрябина – включали во все общегородские праздники. Довольно часто его выход предвора́л камерный хор ДК.

Совсем не ко времени он вдруг вспомнил, как его, 12-летнего мальчишку, покори́ла обычная у артистов практика: и мужчины, и женщины переодевались в одной служебной комнате. Шкафчиков не было и в помине. Одежду раскладывали на стульях. Там же находился и его стул.

После 10-минутного выступления он не спешил в раздевалку – изучал ходы за сценой, поначалу путаясь меж рядами декораций и тяжелыми фалдами двойного занавеса. Но не все тетки-хористки успевали за это время переодеться. Вероятно, из-за длинного ряда глупых крючочков со спины – на их концертных платьях (вроде “молнии” нельзя было поставить!). Однажды, лет эдак в 14 он невольно загляделся на одну из солисток с потрясающим изгибом стройной спины. После этого он уже не задерживался в закулисье, а спешил полюбоваться на это диво. Огорчало одно – ее платье всегда застегивал молодящийся 50-летний тенор. Удивительно, но лица этой дивы он так и не вспомнил.

Хорошо, что он раздумал подходить к Лесе, – перескочил Саша в день нынешний. – Нельзя ее подставлять, мало ли как все повернется. Четкого плана у него не было. Он шел сюда на автопилоте. Как и во время нередких сбоев в сборных концертах, всецело полагаясь на свою способность к импровизации и экспромту. Особенно, когда известна исходная тема – от печки и плясать легче.

Спустя секунду появилась и “печка” – во дворик въехал допотопный ПАЗ. Оттуда, держа на вытянутых руках колоритные костюмы в русском народном стиле, стали выползать артисты. Он спокойно прошел через служебный вход вместе с ними.

– Серьезно подготовился Сухов – куда ж без фольклора будущему народному избраннику.

Саша оглянулся на голос – с телевизионной аппаратурой возились двое.

Кажет мой нос, что свой “фольклор” подкинет и Синкин.

Ряженных под глас народный?

Ага. Видал, ка-а-кие люди уже фасад снимают? А их аппаратура?!

Не чета нашей. Перейти, что ль к конкурентам, хоть рядовым оператором...

Кому мы нужны. Сиди уж...

Зуб даю, закопают сегодня Нестора, – сменил тему оператор.

Не знаю – не знаю... Видал, как его люди овчарками по периметру бегают? Бомбу ищут?

Вряд ли. Покушение, “неудачное” покушение! уже не кана́ет. Народ ни за что не поверит...

Саша прошел на второй этаж и заглянул в одну из пустых гримерок. Как и два года назад, двери здесь не запирались. Отсюда, как на ладони, была видна площадь перед фасадом. Леся он не увидел – может, ждет под козырьком? Ничего. Покрутится и уйдет. Без него ей здесь делать нечего.

С час назад, когда он возвращался со старого кладбища, небо, беззаботно гонявшее бело-розовые шеренги курчавых купидонов, вдруг потемнело, словно промокашкой впитав его горькие слезы... Ему действительно стало легче – грудь перестала разрывать тяжелая ноющая боль.

На могиле бабули, куда привела его Ольга и терпеливо затем ожидала, став чуть поодаль, он дал клятву – так отомстить, как сможет только он, Меломан. В тот самый миг из соседних зарослей выпорхнула синекрылая сойка. У Саши высохли слезы – это “знак”: бабулечка *слышит* его. И... одобряет.

Сойка примостилась средь голых веточек ивы и застыла.

– Ты всегда меня понимала, – он не заметил, что говорит вслух. Пальцы правой руки продолжали машинально мельчить затвердевшие комья земли. – Догадывалась раньше? – Он пытливо взглянул на сойку. – О *том*, что ощутил я в себе только сейчас?!

Птица склонила голову набок...

Он резко поднялся и, отряхнув колени, пошел в сторону Ольги. Неожиданно он осознал, что жил все это время неясным предчувствием. Предчувствием... некоего дара. Разбуженное оплеухой рока, оно внятно шепнуло: *сможешь!*

Осталось только проверить.

Нет, планы, по прежнему, Саша-Меломан не строил. Его властно вела за собой импровизация.

Там, где узкая тропинка сворачивала на аллею, он оглянулся: охапка красных роз, еще живых и благоухающих, только подчеркивала стылость мертвых комьев наскоро засыпанной могилы. Лишь на кресте, грубо сколоченном кресте, тревожно крича ему вслед, прыгала та самая сойка...

* * *

Зал был полон. Многие стояли. Саша притулился у стены. Пока со сцены от имени ветеранов войны толкал восторженную речь бодрый румяный старик, он рассеяно оглядывал зал, невольно прислушиваясь к репликам.

– А ветеран-то ряженный, – раздался до того ехидный голос, что Саша улыбнулся.

Тебе какая разница, – отмахнулась бабка в короткой косынке. Из-под полы ее куцевого пальто выглядывал цветастый байковый халат. – Слышала? Сухов Маньке-беленькой телевизор купил!

Дак это ж еще в прошлом году было, ага. А вот Светкиному внуку-дауну он недавно, ага, компьютер завез...

– Да не даун он, а церебральник...

– Кто, Сухов?! – втиснулся откуда-то незримый сиплый басок.

Короткие смешки потонули в аплодисментах. На сцену быстрой упругой походкой прошел лучащийся довольством Нестор Сухов.

– Дорогие товарищи! – искореженный микрофонном голос взвыл фальшивым дискантом.

– Какие, на фиг, товарищи, – раздалось с зала.

Попытка Сухова с разбега обаять зал не удалась.

– Дамы и господа! – уже бархатным тенором повторил он приветствие, но, оглядев публику, понял, что ни тех, ни других среди собравшихся не наблюдалось. Зыркнув в сторону, где в закулисы прятались его помощники, он переключился на нужную тональность и задушевно повел свою отрепетированную арию борца за счастье семигорцев. Порой его звенящий от негодования голос срывался на сфорцандо и следом на тишайшем пиано проникал в уже распахнутые души семигорцев. Короткое, но проникновенное соло Сухова подхватил нестройный хор его сторонников:

За Суховым – процветание курорта!

За Суховым – возрождение наших надежд...

– За Суховым – гибель наших надежд! – звонкий юношеский голос услышали все.

– Это – провокация! – Не растерялся выбежавший на сцену хлыщ. – А давайте...

Зал зашумел. Хлыщ беспомощно пожал плечами, но увидев, как “провокаатора” окружили репортеры, бросился спасать положение. Заметив, что попал в кадр, отчаянно зачастил:

– Все мы живем в непростое, трудное время. Людей без проблем нынче нет. И всех, абсолютно всех, мы, сторонники Нестора Сухова, ждем в нашем штабе. Кроме того, – перевел дыхание хлыщ, – в Семигорске открыто во-се-мна-дца-ть, – он потряс для убедительности пальцем, – общественных приемных. Поэтому! – увидев, что овладел вниманием прессы, хлыщ взлетел по ступенькам на сцену и продолжил, обращаясь уже к залу:

– Поэтому, у меня всего один вопрос к этому скандальному господину: сколько вам заплатили, господин провокатор?!

Зал ахнул. И – внял. Наивные осуждающе зацокали. Любопытные закрутили головами. Выбившись из привычного сценария, действие обещало стать интересным.

Сорвав жидкие аплодисменты, хлыщ передал микрофон Сухову.

– Господа! – с ноткой усталой грусти выдохнул кандидат в мэры. – Вынужден признать – не готовы мои оппоненты к честной борьбе. Вот и нанимают за деньги горлопанов.

Перебив взмахом руки вторую волну оваций, Сухов передал слово представителю профсоюзов города и поспешил за кулисы:

– Что вы здесь загораете? – Зашипел он на хлыща в окружении двух подручных. – Этот стриженный вовсю треплется с Даниловым из “Кавминводских вестей”!

Хлыщ сорвался было к двери, выходящей прямо в фойе.

– Стоять! – сорвался на крик Сухов. – Ты и ты, – указательный палец выстрелил в двоих, – узнать, что тот тип наболтал журналистам. Если что – его паспортные данные мне завтра на стол. Исполнять!

Подручных сдуло как ветром.

– А теперь – ты! – уже голосом лисы из известной радиосказки обратился он к хлыщу.

Хлыщ вытянулся во фрунт.

– Независимо от конечного результата твоих деяний, – Сухов кивнул в сторону, где только что стояли те двое, – *убеди* горлопана выдать мне расписочку, что ему за срыв мероприятия заплатил Синкин. К примеру – тысячу рублей.

– Тысячу?

– Я к примеру говорю, дурень. Пусть – две тысячи. И – бегом в типографию – ставь покаянное признание в ближайший спецвыпуск. Не забудь фото этого типа – я видел, наши его уже срисовали. Отобьем им охоту брать за горло Нестора Сухова.

– А если?..

– Без если. – И, уже устало, махнул хлыщу рукой. – Исчезни.

* * *

– Он где-то здесь, – докладывал хлыщу один из его помощников. – Наши дежурят и у служебного хода.

– А у пожарки – на втором этаже? – зевнул хлыщ, оглядывая давно опустевший зал.

– Там заперто – сам проверял.

– Значит, он наш, – почесав за ухом, лениво согласился хлыщ. – Трое – на второй этаж, как прочеешь – поставь Лешку на лестницу. Ты, Витек, бери двоих и проверь здесь еще разок – не забудь глянуть меж кресел. Как возьмете – двигай к служебному выходу. Я буду ждать вас там в УАЗике.

Не успел хлыщ пересечь фойе, как раздался пронзительный свист.

– Он здесь! – весело прокричал Витек.

Голос шел из актового зала.

С улыбками, не предвещающими ничего хорошего, свора охотников уставилась на сцену. Там, за черным роялем сидел бывший солдатик – нынешний возмутитель спокойствия самого Нестора Сухова. Мгновение спустя он положил руки на клавиатуру и сорвал ошеломляюще резкий аккорд – словно острым камнем разбудил заснувшее озеро. И следом, словно круги по воде, тихо зароптала волнообразная мелодия.

– Глянь! – усмехнулся Витек. – Концерт по заявкам... – И резво поспешил к сцене.

Меж тем темп мелодии ускорился; словно загнанное сердце запульсировали вдруг аккорды. Дышать стало трудно.

– Хватит выеживаться, – словно через силу пробормотал хлыщ, выходя из прохода меж кресел. – Аплодисментов не бу...

Окончание фразы он проглотил и, словно подкошенный, рухнул в кресло. Его глаза закатились.

Горилообразный Леха попытался было запульнуть в пианиста приставным стулом. Но леденящую душу хоту уже сменил неистовый ураган. Стул закрутило в воздухе словно щепку. Леха растянулся на паркете, прикрыв голову руками:

– Е-е-е-о-о, – завыл он на одной ноте.

И тут безумными пассажами захохотал сам дьявол. Давясь смехом, заквакали и валторны; угрожающе зарычал контрабас; навзрыд зарыдал саксофон; застонала, умирая арфа... Взбесившийся рояль выпустил на свободу Зверя.

Ужас перекроил лица преследователей. Выпучив глаза, они пытались было дотянуться до пианиста, но всякий раз их *волокло* назад. И тут проревели басы. Свет погас. Кто-то по щенячьи пискнул... Тянуть дальше было нельзя. Аккордная канонада, глухо зарокотав, сошла на нет.

Яростное глиссандо чиркнуло ровно семь раз, окончательно вырубив одного за другим всех преследователей. Их было семеро.

Неистовую симфонию сменила умиротворяющая кода и под затухающее тремоло мелодия постепенно растаяла в тишине.

Еще с минуту музыкант сидел за роялем, обессилено уронив руки. Отсутствующим взглядом окинув зал, он медленно пошел к выходу, не замечая своих преследователей, “отдыхающих” в разных позах: кто – у стены, кто – в креслах, а кто успел вырубиться уже на сцене...

Тяжелой пружинной взвизгнула парадная дверь – путь был свободен.

Глава IV

Мини-диск

Семигорск, за день до событий

Его пасли с самого утра. Лишь в толчее Верхнего рынка удалось оторваться. На выходе из вещевых рядов, откуда его вытянул поток покупателей, он вновь почувствовал себя неудобно. Предчувствие не обмануло: вдоль бакалейных лавок пробежал, озираясь, один из его преследователей. Он резко нагнулся, якобы завязывая несуществующий шнурок на ботинке и огляделся. Диспозиция не обнадеживала. Следовало бежать вниз, где паркуются десятки машин: маршрутки, такси, частники и рейсовые междугородные автобусы. Но именно там его могли уже поджидать. Решение двигать в противоположную сторону пришло мгновенно: до первого же переулочка – к жилым домам. Он еще раз прощупал карман – мини-диск был на месте. Спустя секунду он уже пристроился на полшага сзади высокой дородной толстухи.

Гренадерша остановилась у книжного ряда, где торговали, разложив товар как попало – в основном на грубо сколоченных ящиках, а то и прямо на асфальте, подстелив под бэушные книги газетные листы. У низкого складного столика толстуха начала яростно торговаться. Какбы заинтересовавшись, он присел рядом на корточки и взял в руки толстенный том какой-то старинной энциклопедии.

– Брокгауз и Ефрон, – обратился к нему пожилой продавец. – Осторожней, юноша, книге больше ста лет...

«Юноша» невольно усмехнулся – на днях он разменял уже четвертый десяток. Круглую дату отмечали в сплоченном коллективе «Нонсенса». Он обещал коллегам сенсацию. Жаль, не удалось сорвать бабки втихую. Золотой теленок заклацал вдруг волчими зубами и пригрозил: «Урою!» Сегодня он осознал – словами тот попросту не бряцал.

Толстуха скосила подозрительный взгляд и посторонилась, уже молча листая пожелтевшую от времени брошюру. Тянуть дальше было нельзя. Он уже пристраивал обратно на столик энциклопедию, как вдруг взгляд упал на черную, тяжеленную на вид, книгу с круговым золотым обрезом в ажурном серебряном окладе. Его озаарило! Он коротко бросил, кивнув в сторону фолианта:

– Сколько?

– Это, молодой человек, “Фауст” – немецкое издание 1844 года. Иллюстрации самого Гюстава Доре!

– Сколько?! – выдавая нетерпение, переспросил он и потянулся было к книге.

– Вы не похожи на покупателя, – заскрипел опасливо старик и положил на фолиант руку.

– А вы – на продавца, – отреагировал он, сетуя на свою взъерошенность и несолидность. – Дайте хоть глянуть – вдруг там страницы дранные. – И, уже держа фолиант в руках, добавил, чтобы окончательно рассеять сомнения букиниста. – Мой дядька коллекционирует такие.

Пока букинист, со вздохом уступивший толстухе, пересчитывал пачку сотенных, он воспользовался шансом. Оклад на задней обложке, как он и предполагал, на пару миллиметров отходил от основы. Туда, в эту прореху, он незаметно и вложил свой мини-диск, который слился по цвету с темным переплетом. В данных обстоятельствах – вариант идеальный.

Для блезиру он пролистал еще одну старинную книгу – потоньше. В основном – потрясные картинки на библейские темы. Он глянул на титульный лист:

– Смотрите, и здесь Доре...

– Именно! Это лучший график планеты! – восторженно продекламировал продавец.

– Эти две книги мой дядька обязательно купит, – заверил он книголюба, указывая и на фолиант в серебрянном окладе. – Сохранность что надо! Даже цену не хочу спрашивать – он заплатит какую запросите. Так что продавать не спешите. А телефон контактный – черкните.

Еще минуту (казалось прошла целая вечность) старик на обрывке газеты мусолил номер своего телефона. Когда он, оглядываясь, наконец пошел прочь, вслед донеслось:

– Телефончик-то не потеряйте! Если что – я здесь бываю по пятницам, только по пятницам, – беспокоился неугомонный старикан.

Он понял, что привлек ненужное внимание: на него и старика оглядывались прохожие и продавцы-соседи. Издали, махнув букинисту рукой, он постучал по нагрудному карману, куда он опустил огрызок газеты с заветным номером телефона – не потеряю, дескать. И – чесанул быстрым шагом к спасительному переулку.

До угловой аптеки осталось меньше метра, когда фонтанчиком вдруг брызнула штукатурка. Спонтанно сработал рефлекс – и он плашмя бросился на землю, перекатившись под густые газонные туи. И тут его правый кармашек вспорола пуля. Откуда?! Он беспомощно заозирался, но лишь взглянув ввысь, понял: его обложили по настоящему. Преследователи светиться на рынке и не собирались – они, как охотничьи псы, гнали его на снайпера. Вторая пуля легла в переносицу, но он этого уже не почувствовал.

* * *

Кривошеев схватил трубку одновременно со вторым перезвоном. Пока слушал, лицо менялось неузнаваемо. Вначале черты мгновенно смягчились (будто с безжизненного лица стянули маску), радостно блеснули глаза и он расслабленно опустился в кресло. В тот самый миг его взгляд застыл и он вскочил, не удержавшись от язвительной реплики:

– Есть ниточка, говоришь?.. – в извивах губ плескался яд. – Так не мешкай, тяни ее, дергай, черт тебя побери! Иначе совется веревочка – уже для тебя. И бригаде твоей мало не покажется. Все! Действуй! На все про все даю двое суток.

Положив трубку, он грузно опустился в кресло и долго мял подбородок пальцами.

Глава V. Иван Ильич

В 20 лет ума нет – и не будет.
В 30 лет денег нет – и не будет.
В 40 лет семьи нет – и не будет.
В 50 лет дома нет – и не будет.

Эта дурацкая, сомнительная, по большому счету, поговорка травила его всю сознательную жизнь. Впервые он услышал ее в 21 год – от рассерженного деда, заменившего ему вместе с бабушкой и отца, и мать. Тогда он, новоиспеченный студент истфака столичного вуза, огорошил всех своей скоропалительной женитьбой. Думал – по любви... Но, думалка, видимо, оказалась у него не там, где следует.

Жена, разбитная москвичка с яркой внешностью и с синими бездонными глазами, была старше его лет на 10, и, как выяснилось позже, не дура выпить и сходить налево. А он, пацан, практически “держал” семью. И вкалывал, вкалывал, зарабатывая ей на сносную жизнь.

Он тяжело вздохнул, вспоминая и спешный переход на заочное, и ночные вахты разнорабочим, и радость по поводу полноценной ставки в Историческом музее (заодно и стаж идет по спецухе).

Шли годы, но декорации в сущности не менялись: бес-про-свет. Ни деньги, ни жена его не любили. Практически семьи не было. В глубине души он винил себя: *неудачник*...

А та самая дурацкая поговорка все быстрее шелкала костяшками лет и скрипела заезженной пластинкой:

В 30 лет денег нет – и не будет, не будет, не будет...

Неужели, неспособен?! – грыз себя уже 37 летний кандидат исторических наук с окладом 160 рэ и “большими надеждами на будущее”.

Подвернулся случай и он решился на демарш: занялся... презренной фарцовкой (он! – *ботаник* до мозга костей...). Увы, себя не перепрыгнешь. Его удел – прежняя колея, вырытая злодейкой судьбой: довольно быстро он спалился, еще быстрее – его кинула жена:

В 40 лет семьи нет – и не будет.

Выбросив 20 лет столичной жизни коту под хвост, он вернулся в родной Семигорск. Но проклятая поговорка, словно приговор чужой воли, не отпускала: все считала его года, отнимая надежды даже на обустроенность. На родине его не ждали...

В домике деда обосновалась дальняя родня – семья племянницы жены его кузена. Люди, в общем-то, неплохие... Просто, так уж сложилось: пять последних лет они ухаживали за дедом – он и отписал им дом с роскошным некогда садом. Впрочем, и внука родного не забыл: все свои книги дореволюционных изданий – завещал ему. Длинный их список дед успел заверить у нотариуса, не забыв указать и параметры (год выпуска, издателя и прочее). Может быть, поэтому дедулина библиотека (все 182 тома!) была торжественно передана ему родней – в целости и сохранности. На специально званном обеде.

Вскоре и с работой в Семигорке устроилось: НИИА (последняя буква аббревиатуры обозначала археологию) как раз нуждался в научных работниках его профиля. Дали и комнатку в ведомственной малосемейке. Служба скучать не позволяла: Кавминводы и весь восток края оказались богаты на археологические находки: именно здесь проходил в древние времена Вели-

кий Шелковый путь, именно здесь, недалеко от Пятигорска притягательно манил своим великолепием знаменитый Золотой курган скифов, именно здесь земля хранила еще не выданные полностью тайны древних веков... Но именно здесь его душу все чаще охватывало смятение. Он перестал *праздновать* дни рождения – лишь судорожно считал года и все чаще забегал в администрацию города, сверяя номер своей очереди на жилье. Увы, она практически не двигалась. Вместе с ней замирала его надежда на новую семью... То самое злосчастное заклинание все чаще отравляло его сознание неотвратимым:

В 50 лет дома нет – и не будет.

Ему шел 58-й, как вдруг зловеще полыхнула молнией весть: их НИИА ликвидируется. Все – уволены. Одновременно накрылось и ведомственное жилье. Жалкие надежды на приватизацию комнатухи лопнули как мыльные пузыри. А спустя еще год – в 2004-м – грянул и гром: их *просто* выкинули на улицу. Вначале отключили свет, через пару месяцев – отопление. И – наконец, воду. Ведомственную общагу купил на корню некий инвестор из Подмоскovie.

...Он заметил, что все чаще его взгляд вылавливает на улицах бомжей. Как-то его пристальный взгляд остановил давно не мытого, заросшего пегой щетиной бедолагу. От ужаса, что он глядится в зеркало скорого будущего, подкосились ноги...

И все же... И все же, – чудеса случаются в жизни каждого. Его спасла... дедова библиотека. Он, конечно, догадывался, что старина – всегда “живые деньги”, но никогда не думал, что их эквивалент потянет на отдельную однокомнатную квартиру. Плюс простая, но добротная обстановка. В итоге около 100 книг дореволюционных изданий досталось предприимчивому коллекционеру. Обе стороны решили, что совершили наивыгоднейшую сделку. Еще более 50-ти фолиантов плюс кипа сброшюрованных журналов позапрошлого века – осталось ему в память о деде.

Он вдруг осознал, что невзирая на нищенскую пенсию, может позволить себе и отдых в санатории, и покупку желанной обнoвы... Для этого раз-другой в месяц, обычно, по пятницам, он отправлялся на рынок, прихватив с собой несколько раритетов из домашней библиотеки. Злая поговорка утратила, наконец, свои гнетущие чары: он более не нуждался в деньгах, обрел крышу над головой и у него хватало ума чувствовать себя счастливым.

* * *

Семигорск, 3 марта 2007 года, суббота, около 16 часов

До дня рождения оставалась неделя. Дата ожидалась “некруглая”, но Иван Ильич решил отметить свое 67-летие с невиданным ранее размахом: закупить всевозможных деликатесов, сладостей, шампанского, а “горячее” заказать в соседнем кафе. Тем более, накануне проявился знакомый книголюб и выторговал у него довольно редкий семитомник начала прошлого века. Да и с рынка он вернулся вчера не с пустыми руками. Плюс – возможный заказ странноватого парня, который положил глаз сразу на два его особо ценных фолианта...

На торжество приглашены Павел и Ольга (из квартиры напротив) и дальние родственники (многодетное семейство, проживающее в старом доме его деда).

Иван Ильич подошел к книжному шкафу и трепетно провел пальцами по красному сафьяновому корешку с частично стершейся надписью: “Магия чисел”. Он дословно помнил вычитанную там сентенцию:

Судьба закрывает одну дверь, когда хочет открыть другую...

Вот уже два года, как *другая дверь* впустила в его жизнь не только новых сердечных друзей, но и новое увлечение: нумерологию. С ее помощью он пересмотрел пережитое, с оптимизмом неопита включился в многогранное таинство настоящего и почувствовал, что близок как никогда к познанию чего-то необычайно важного для него. Того, что древние мудрецы называли *Истиной*.

Эх, надо было еще со школы налегать на математику, – Иван Ильич сокрушенно качнул головой. – Он же боготворил Географию и уважал Историю. А что же – История, по большому счету? Та, которую изучают в школах и университетах. Игра интерпретаций? Мелкие детали профанических событий? Груда подтасованных фактов?..

Он вдруг прислушался. Нет, не радио... Завораживающие звуки Лунной сонаты проникли из квартиры Павла и Ольги. Там он видел старинное пианино на котором никто никогда не играл. Лишь Люся, их дочь, порой резко простукивала одним пальцем по клавишам, подбирая только ей понятную мелодию. И то – крайне редко.

Видимо, у них гости, – решил Иван Ильич, наслаждаясь уже пронзительной мелодией известного романса. Игра оборвалась на полуфразе резким рыдающим аккордом. Отчего-то защемило сердце...

...Адептом магии чисел он стал не сразу. Поначалу рассуждения автора посчитал наивными, а поразительные примеры из жизни великих – рядовым совпадением. И тем не менее – увлекся. Вместо разгадывания кроссвордов, он коротал стариковский досуг просчетами дат рождений родных и близких, всех тех, чей жизненный путь не был для него тайной.

Своим увлечением он заразил и соседей. Особенно – Люсеньку. В прошлом году она вышла замуж, предварительно “примерив” к избраннику нумерологические характеристики. Они ее обнадежили. Пока, тьфу-тьфу, причин для разочарований нет.

Но больше всего поразило количество “совпадений”, выпавших на долю соседа. Может потому, что его суммарный нумерологический код совпадал с его собственным? И это, невзирая на возрастную разницу в 20 лет! Тогда он позвал соседей на кофеек и подробнее расспросил их о житье-бытье. Невероятно!.. Общие тенденции счастливого в семейной жизни Павла один к одному совпадали с поворотными точками жизни одинокого пенсионера. Даже аппендикс вырезали у обоих – в одном и том же году – 80-м. Только он тогда жил в Москве, а Павел – в Семигорске. И в новую квартиру – в этом же доме – въехали в одно и то же время – около двух лет назад! И – даже повод для новоселья у обоих соседей возник *вдруг* – неожиданно-негаданно. Словно под дирижерскую палочку упрямого случая.

До их знакомства жили супруги в своем добротном домике в самом центре Семигорска. И, как и он, оказались жертвой нашествия алчных новоришей. Сейчас на месте Пашиного дома вырос элитный пансионат. Правда, их «захватчик» – сам Нестер Сухов – из местных: еще тогда совмещал свой бизнес с работой в городской Думе. Так что обещания свои застройщик выполнил: и ордер на трехкомнатную квартиру супругам вручил, и с доплатой не обманул. Это – он, говорят, ныне в мэры метит, так что человек в крае – небезызвестный.

Вот и получилось, задумался Иван Ильич, – что мы с Пашей шагаем по одним и тем же *градусам Круга Вечности* – од-но-вре-менно...

Это подтвердил и текущий год – далеко не из легких: Паша без дочери скучает, порой до хандры доходило. А у него печенка вдруг проявилась – а ее враз не вылечишь...

Иван Ильич вспомнил предостережения своего числового оракула на текущий период: 91-й градус Зодиакального Круга предсказывал кризис, резкий поворот, *точку, после которой нет возврата*.

Ничего, – утешал себя Иван Ильич, – через неделю *перешагну* в следующий, как обещала старинная книга, – в более счастливый градус: *Человек на ковре-самолете парит над обширным пространством земли. Возможны поездки*.

Эта нумерологическая интерпретация наступающего периода баюкала давнюю мечту – побывать в Крыму, где в советские времена любил отдыхать его дед.

Теперь, – сокрушенно покачал он головой, – Крым – заграница. Еще одна отрывка Истории, скормленной ловко состряпанной профанацией...

Глава VI. Затмение

Семигорск, тот же вечер, около 20 часов

Резкий звонок в дверь насторожил.

Кто из соседей?.. – подумал Иван Ильич, но, глянув в глазок, отпрянул: с другой стороны двери маячила чужая востроносая физиономия.

– Кто? – нарочито грозно гаркнул он.

– Пусти, батя, воды набрать, – незнакомец явно бил на жалость. – Радиатор перегрелся. – И он потряс перед глазком пустой пластиковой бутылкой.

Ох, уж этот первый этаж, – сплюнул в сердцах Иван Ильич и послушно загремел засовом.

В последний миг его что-то остановило.

– Мало ли что, – пробормотал он себе под нос и нажал нужную кнопку мобильного – недавнее свое приобретение.

– Паш, это я. Выйди-ка на секунду.

Когда он вновь прильнул к глазку, соседняя дверь уже распахнулась. Иван Ильич открыл и свою. Востроносый оказался чахлого вида быстроглазым коротышкой и он рассердился на себя за мнительность.

Пропустив бедолагу внутрь, Иван Ильич указал ему вход на кухню. А соседа успокоил:

– Извини, Паш. Это я так... перестраховался. То им хлеба, то воды... А время-то нынче какое...

– Угу, – качнул головой сосед, что-то дожевывая на ходу. – В двух шагах магазин круглосуточный, в трех – Торговый Дом... И тянет же их по подъездам шастать, – поддержал старика Павел.

Шумно полилась вода. Незванный гость старался перекрычать резвый напор:

– Дед, а тряпки какой ненужной – не найдется?

– Па-а-аш! – одновременно донеслось из квартиры соседа. – Чё ты дом холодишь?

Ты иди, Паш, иди, – смутился Иван Ильич. – И, оставив свою входную дверь нараспашку, прошаркал к себе.

* * *

Семигорск, тот же вечер, около полуночи

Крокодил неуклюже плюхнулся в мутную желтую реку и вдруг легко застрочил по течению, крутя хвостом и извиваясь, словно танцуя ламбаду.

– Оля! Сюда! Быстрее...

В комнату вбежала жена и плюхнулась рядышком на диван, отбросив в сторону кухонное полотенце.

– Э-эх! Пропустила... Такой момент...

Меж тем на экране аллигатор уже рвал антилопу.

– О-оч-чень интересно, – съязвила Ольга, – особенно на ночь глядя.

– Это же Би-Би-Си, уникальные съемки.

– Если б ты знал, Пашенька, как мне надоел этот ящик.

– Переключить? На втором – какая-то американская комедия.

– И комедии надоели. Особенно американские. Одно старье и крутят.

– Ты просто устала, – Павел приобнял жену и зарылся носом в ее пышные волосы. – Весь вечер готовила, возилась... Даже за ушком пирожками пахнет.

Она слегка отстранилась, не выпуская его руку из своих.

– Вовсе я не устала, просто все раздражает – и эта рутина, и аллигаторы с носорогами... Сколько лет мы не были на море? Ты считал?!

– В этом году поедem в Анапу. Обещаю.

Она прильнула к нему, пытаясь представить и горячий песок, и ласковое синее море, а Павел, приобняв, баюкал ее в такт своим словам и ее мыслям:

– Я знаю, ты переживаешь из-за пацана, – он кивнул головой в сторону синей дорожной сумки, с утра притулившейся у дивана.

– Еще бы, – вздохнула она. – Представь, – приехал, демобилизовался... И никто его не встречает. Ни-и-кто. А вместо дома...

– Хорошо, что ему тут же адрес наш дали...

– Конечно, пусть пока поживет. Люськина комната теперь свободна.

– А ты молодец, сразу второй ключ ему дала. И мы не будем связаны ожиданием...

– Он вроде к девушке своей пошел?

– Вроде...

– Вряд ли он сегодня вернется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.